

Споры в международном частном праве

**Людмила
Вячеславовна
ТЕРЕНТЬЕВА,**

профессор кафедры
международного частного
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент

terentevamila@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Установление судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации¹

Аннотация. *Возможность наступления вредоносного эффекта от размещения информации в киберпространстве на территории любого государства создает ситуацию злоупотребления истцами юрисдикцией, позволяя осуществлять «клеветнический туризм» (libel tourism), когда истцы обращаются с исками в наиболее благоприятные для себя юрисдикции при отсутствии связи спорного правоотношения с территорией государства суда. В статье предложено использовать комбинацию объективных и субъективных факторов с целью корректного толкования тесной связи при установлении юрисдикции в отношении диффамационных споров.*

Методологическую основу при написании статьи составили общенаучные методы познания. Основное значение при проведении исследования имели специальные юридические методы: формально-юридического анализа, сравнительного правоведения (компаративистский). Компаративистский подход позволил выявить ключевые особенности установления судебной юрисдикции по разрешению трансграничных диффамационных споров на основе гибких критериев в условиях развития киберпространства.

Ключевые слова: юрисдикция; диффамационные споры; трансграничные дела о защите чести, достоинства и деловой репутации; «клеветнический туризм»; тесная связь; киберпространство; причинение вреда; вредоносные последствия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.086-097

Liudmila V. TERENCEVA,

*Professor of the Chair of Private International Law of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor*

terentevamila@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Jurisdiction in Cross-Border Defamation Disputes

Abstract. *The possibility of a harmful effect from information in cyberspace creates «libel tourism», when plaintiff looks for favorable jurisdiction in the absence of close connection between the alleged defamation and forum. In order to correctly interpret the close connection in asserting jurisdiction over defamation disputes it is proposed to use a combination of objective factors and subjective factors.*

The methodological basis of the article is general scientific methods of cognition. The main importance in the research are special legal methods: the method of formal legal analysis, the comparative that let to identify the key features of judicial jurisdiction to resolve cross-border defamation disputes based on flexible criteria in cyberspace.

Keywords: *jurisdiction; cross-border defamation disputes; «libel tourism»; close connection; cyberspace; causing harm; harmful consequences.*

О снование установления судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (диффамационным спорам)² в российском законодательстве сформулировано в виде исключения из общего правила предъявления иска по месту нахождения или жительства ответчика. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ арбитражные суды в России рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, если истец по делу о защите деловой репутации находится в Российской Федерации.

Согласно п. 9 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ инициировать разбирательство по диффамационным спорам в отношении иностранного ответчика в судах общей юрисдикции может физическое лицо, имеющее место жительства в Российской Федерации. При этом спор не должен быть связан с предпринимательской и иной экономической деятельностью. В случае обращения иностранных истцов к российским ответчикам по такого рода спорам будет использоваться традиционное для континентальной системы основание международной судебной юрисдикции — место нахождения

² С целью лаконичного определения требований для защиты чести, достоинства и деловой репутации в доктрине предложено определять их в качестве диффамационных исков. См.: Тай Ю. В. Проблема компетенции диффамационных исков против иностранных СМИ // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (отв. ред. Е. А. Суханов). М. : Статут, 2021. С. 352—373 ; Шишков Р. Определение применимого права по диффамационным искам с участием иностранных лиц // Адвокатская газета. 2021. № 16.

ответчика (пп. 1 п. 1 ст. 247АПК РФ, п. 2 ст. 402 ГПК РФ). Такого рода жесткие критерии не всегда отображают связь спорного правоотношения с государством суда, что актуализирует вопрос, насколько обоснованными являются используемые судами критерии установления юрисдикции, которые были сформулированы еще в 2002 г.

По прошествии более чем 20 лет медиаландшафт подвергся серьезным изменениям. Хотя печатные СМИ и присутствуют на рынке, но максимальное внимание аудитории забирают издания в цифровом формате. В связи с масштабным использованием различных способов распространения информации в сети Интернет (социальные сети, форумы, блоги и т.п.) можно спрогнозировать, что последующие иски будут преимущественно касаться размещения информации диффамационного характера в киберпространстве, доступ к которой возможен с территории любого государства.

Таким образом, в условиях, когда киберпространство становится магистральным каналом распространения и получения информации, возможность наступления вредоносного эффекта от ее размещения на территории любого государства может создавать ситуацию злоупотребления истцами юрисдикцией, позволяя осуществлять так называемый клеветнический туризм (*libel tourism*). Под последним, как правило, понимают поиск суда, предоставляющий широкие средства защиты, включая высокие денежные компенсации потерпевшему лицу³.

Зона клеветнического туризма преимущественно концентрируется в Англии, суды которой являются наиболее предпочтительными для истцов, с учетом их экспансивной юрисдикции, построенной на слабых связях спорного правоотношения с территорией Англии, а также возложения на ответчика бремени доказывания правдивости оспариваемого заявления.

Принимая во внимание неодинаковые стандарты определения границ свободы слова в разных государствах, при выборе суда истцы выбирают те юрисдикции, где размещенная информация квалифицируется в качестве диффамационной. Разницу в подходах к пониманию оскорбительной информации и свободы выражения мнения можно проиллюстрировать решением Европейского суда по правам человека, позицию которого до момента выхода России из Совета Европы и прекращения действия на территории России Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. российские суды были обязаны учитывать.

В указанном решении было отмечено, что «право на свободу выражения мнения... относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые получены законным путем или считаются не оскорбительными или незначительными, но и к тем, которые оскорбляют или вызывают возмущение...»⁴.

Российская правоприменительная практика по трансграничным диффамационным спорам немногочисленна, но в то же время в доктрине отмечена тенденция проявления интереса к предъявлению исковых требований иностранным ответчикам на территории Российской Федерации⁵.

³ Bell A. Libel tourism: International Forum Shopping for Defamation Claims. 2008. Jerusalem Center for Public Affairs. P. 3.

⁴ Grinberg v. Russia (Гринберг против России) // URL: <https://srji.org/resources/search/45/> (дата обращения: 06.05.2023).

⁵ Шишков Р. Указ. соч.

Хотя сформулированные в п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ и п. 9 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ основания юрисдикции — место жительства и местонахождение истца являются похожими, практика установления юрисдикции по диффамационным делам арбитражных судов и судов общей юрисдикции различна.

Арбитражные суды в первую очередь основываются на тесной связи с территорией Российской Федерации, которой в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»⁶ (далее — Постановление № 23), была отведена роль принципа установления юрисдикции по спорам, вытекающим из предпринимательской и иной экономической деятельности.

В указанном постановлении основание, предусмотренное в п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, а именно — тесная связь спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, получило качественное переосмысление, в результате которого уже сложно говорить о тесной связи как о рядовом критерии, «не являющемся каким-то особенным основанием международной подсудности»⁷. Определение тесной связи в п. 12 Постановления № 23 в качестве принципа установления судебной юрисдикции предопределило необходимость толкования иных оснований установления судебной юрисдикции, предусмотренных ч. 1 ст. 247 АПК РФ, с учетом данного принципа. Такой подход позволил выявить корректирующие функции указанной тесной связи.

Таким образом, арбитражный суд, решая вопрос о своей юрисдикции в отношении дел о защите деловой репутации, должен установить, обнаруживается ли основание в виде местонахождения истца на территории Российской Федерации или местонахождения ответчика (если иск предъявляется к российским ответчикам иностранными истцами) тесная связь с территорией Российской Федерации, а в случае ее отсутствия отказать в принятии иска.

С. Э. Гафаровым была выявлена возможность судебного усмотрения и судов общей юрисдикции при рассмотрении трансграничных частноправовых споров на основе формально-юридического анализа ч. 3 ст. 402 ГПК РФ: («суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц...»), что позволяет толковать перечень оснований установления судебной юрисдикции как открытый⁸. Тем не менее на практике судебная юрисдикция по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, определяется по местонахождению истца⁹.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

⁷ *Осипов А. О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2014. С. 126.

⁸ *Гафаров С. Э.* Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 112.

⁹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2023 по делу № 8Г-16731/2023[88-22162/2023] ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 по делу № 8Г-627/

Указанный оборот, действительно, не исключает, что при отсутствии формальных условий, перечисленных в ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, суды общей юрисдикции могут принять дело к своему рассмотрению, если имеется тесная связь спорного правоотношения с государством суда. Но вряд ли можно предположить отказ суда от своей юрисдикции, обоснованный отсутствием тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации при наличии формальных условий, перечисленных в ч. 3 ст. 402 ГПК РФ. Следовательно, в соответствии с ГПК РФ тесная связь не обладает корректирующей функцией в отношении трансграничных частноправовых споров. В то же время в рамках АПК РФ в соответствии с п. 12 Постановления № 23 такая функция у тесной связи имеется.

Следует отметить, что гибкий критерий тесной связи получил свое распространение даже в тех государствах, основания установления юрисдикции которых традиционно относились к жестким в виде «место жительства ответчика», «гражданство истца» и т.п.

Как известно, каждое государство формулирует свои правила судебной юрисдикции. Традиционно, исходя из типичных черт, присущих указанным правилам, в доктрине были представлены три основные системы судебной юрисдикции: романо-германская система (ФРГ, Россия, Австрия и др.), латинская система (Франция, Бельгия, Италия, Алжир), англо-американская система (Англия, США).

В то же время указанное деление на сегодняшний день представляется весьма условным. Имеющиеся отличия основных систем установления судебной юрисдикции в ряде случаев нивелируются ввиду того, что свойственное странам общего права гибкое правило тесной связи практически становится общим знаменателем установления судебной юрисдикции.

Так, в ст. 2602 Гражданского и торгового кодекса Аргентины 2014 г. (Civil and commercial Code) предусмотрено, что даже если нормы Кодекса не наделяют аргентинских судей международной юрисдикцией, они в исключительных случаях могут вмешиваться с целью избежать отказа в правосудии, за исключением случаев, когда не будет разумным требовать подачи иска за границей и до тех пор, пока частная ситуация имеет достаточный контакт со страной, гарантирующей право на защиту в суде, а также принимая во внимание целесообразность достижения эффективного решения¹⁰.

В соответствии со ст. 11 Закона Бельгии о введении в действие Кодекса международного частного права 2004 г. (Law of 2004 holding the code of Private International law Belgium) бельгийские суды обладают исключительной юрисдикцией в случае, если дело имеет тесную связь с Бельгией и рассмотрение дела за границей представляется невозможным, или когда неразумно требовать рассмотрения дела за границей¹¹.

2020-(8Г-4227/2019)[88-4208/2020-(88-4691/2019)] ; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.09.2021 по делу № 33-32467/2021.

¹⁰ Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. С. 77.

¹¹ Международное частное право. С. 114.

В соответствии со ст. 3135 Гражданского кодекса Квебека 1991 г. (Quebec civil code of Quebec 1991), если какой-либо орган власти Квебека обладает юрисдикцией рассматривать спор, он может в качестве исключения и на основании ходатайства стороны спора отказаться от юрисдикции, если сочтет, что органы власти другого государства лучше подходят для разрешения этого спора. В статье 3136 Гражданского кодекса Квебека предусмотрено обратное правило, а именно: если орган власти Квебека не обладает юрисдикцией рассматривать спор, он может тем не менее рассмотреть его при условии, что спор имеет достаточную связь с Квебеком¹².

В Общем законе о международном частном праве Уругвая 2020 г. (General law on private international law 2020 Uruguay) в ст. 57 (h (3)) также предусмотрено установление юрисдикции суда Республики, если дело имеет соответствующие связи с Республикой¹³.

Немецкие законы не предусматривают специальных правил, которые устанавливали бы юрисдикцию судов в отношении трансграничных споров. В этой связи судебная юрисдикция будет определяться на основе правил о внутренней подсудности Гражданского процессуального кодекса Германии 1879 г. (ред. 2015 г.) (Zivilprozessordnung)¹⁴.

Федеральный верховный суд Германии в 2010 г. сформулировал новый критерий для определения судебной юрисдикции, а именно — наличие объективной внутренней связи со страной суда. Принимая решение о наличии юрисдикции в отношении диффамационного спора, где ответчиком явилось опубликовавшее компрометирующую истца информацию издательство «Нью-Йорк Таймс», Федеральный верховный суд учел, что содержание статьи в «Нью-Йорк Таймс» имело высокую вероятность привлечения немецкой аудитории, житель Германии был назван полным именем, газета «Нью-Йорк таймс» имеет мировую, а значит и немецкую, аудиторию¹⁵.

Следует отметить, что сама по себе категория тесной связи содержит в себе как преимущества, которые выражены в возможности оперативного реагирования правоприменительных органов на изменения, связанные с развитием информационно-коммуникационных процессов, так и недостатки в виде повышения рисков необоснованного установления или отказа установления юрисдикции.

В приведенных выше зарубежных законах, равно как и в АПК РФ, содержание тесной связи не раскрывается, что представляется логичным, учитывая необходимость ее формулирования судом для каждого отдельного случая. С момента появления понятия «тесная связь» в АПК РФ суды использовали такие основания ее применения, как : облегченный порядок исполнения будущего решения, защита слабой стороны, место заключения контрактов, частичное исполнение

¹² Международное частное право. С. 385—386.

¹³ Международное частное право. С. 898—899.

¹⁴ Zivilprozessordnung (ZPO) // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html (дата обращения: 17.10.2020).

¹⁵ Svantesson D. J. Solving the Internet Jurisdiction Puzzle. Oxford University Press, 2017. P. 115—117.

договора на территории РФ, ориентированность арбитражного соглашения на российский арбитраж и т.п.¹⁶

В 2017 г. в результате обобщения и анализа судебной практики в п. 15 Постановления № 23 были перечислены конкретные факторы, определяющие содержание тесной связи, в частности доказательства того, что территория РФ является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией РФ; основные доказательства по делу находятся на территории РФ, и т.п.

Принимая во внимание открытый перечень обстоятельств и различную степень связи предлагаемых обстоятельств с территорией РФ, следует считать, что закрепленные в данном Постановлении доказательства, подтверждающие наличие тесной связи, являются ориентировочными для суда. Предложение перечня ситуаций, отображающих тесную связь спорного правоотношения с территорией РФ, в большей степени является «точечным вариантом» решения вопроса на конкретном временном промежутке. Формулирование тесной связи требует системного подхода в виде многоаспектного дифференцированного анализа, включающего исследование нескольких факторов при формальном, механистическом подходе.

В немногочисленной практике арбитражных судов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации при оценке тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации исследуется совокупность факторов, которые можно классифицировать на объективные и субъективные. В качестве объективных факторов выступают местонахождение истца на территории РФ и причинение вреда для деловой репутации на территории РФ, в качестве субъективных — возможность предвидения ответчиком причинения вреда на территории РФ.

Так, на основании субъективных и объективных факторов оценивалась юрисдикция арбитражного суда Краснодарского края по иску О. В. Дерипаски к иностранным СМИ о признании не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию истца сведений, распространенных ответчиками. К объективным факторам можно отнести установленное судом место причинения вреда для деловой репутации на территории РФ, что подтверждалось фактом постоянного проживания в Российской Федерации и владением преимущественно российскими активами.

К субъективным факторам следует отнести отмеченную судом осведомленность ответчиков о том, что истец является гражданином России и проживает в Российской Федерации, что подтверждается многократным употреблением слов «русский», «Россия» и т.д. в спорных статьях. Таким образом, как отмечено в решении, ответчики предвидели или должны были предвидеть наступление вреда в России¹⁷.

¹⁶ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.10.2011 № ВАС-8661/11 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 07.08.2013 № Ф09-6855/13 по делу № А60-1408/2013.

¹⁷ Решение от 25.10.2019 по делу № А32-43312/2019 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/it1pOGfJvWNE/> (дата обращения: 25.06.2023).

В похожем деле, где истцом выступала ПАО «Нефтяная компания «Роснефть», а ответчиком — американская компания «Блумберг Эл-Пи», суд использовал совокупность оснований установления юрисдикции, предусмотренных в п. 2, 4, 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ¹⁸. При этом основания установления юрисдикции в соответствии с указанными пунктами суд отнес к специальным основаниям, которые сами по себе предусматривают наличие тесной связи с Россией. Суд отметил, что при установлении компетенции российского суда следует принимать во внимание исключительно такие формальные обстоятельства, как нахождение истца на территории РФ и характер предъявленного требования. При этом в решении отмечено, что факт направления своей деятельности ответчиком на территорию России, имеющий значение в США, не имеет значения в Российской Федерации.

Здесь, по всей видимости, суд имел в виду практику американских судов, которые при установлении персональной юрисдикции по делам о диффамации с 1984 г. начали использовать тест Колдера (Calder) (другое название — тест эффекта), введенный Верховным судом США при рассмотрении дела *Calder v. Jones*¹⁹. Этот тест позволял суду устанавливать юрисдикцию в отношении целенаправленной деятельности ответчика на территории другого штата, если последствия (эффект) данной деятельности затрагивают штат суда, инициировавшего судебный процесс. Целенаправленность действий ответчика имеет место, если: 1) действия ответчика имеют намеренный характер; 2) характер деятельности ориентирован на соответствующий штат места нахождения суда; 3) основной вред данной деятельности имел место в соответствующем суде штата.

Что касается решения российского суда в отношении компании Bloomberg, то доводы ответчика относительно низкой доли прямых пользователей интернет-сайтом Bloomberg в России не были приняты во внимание, поскольку ответчик является одним из крупнейших информационных агентств в мире, оспариваемые сведения были мгновенно растиражированы крупнейшими российскими информагентствами и деловыми СМИ («Интерфакс», «РБК», «Ведомости», «Форбс» и др.). Также был учтен факт наличия представительства ответчика на территории Российской Федерации, несмотря на то, что, по уверениям ответчика, его деятельность не ориентирована на территорию России.

Представляются любопытными выводы суда относительно применимого права по месту наступления вреда в соответствии со ст. 1219 ГК РФ. Суд обратился к трудам профессора Н. И. Марышевой, в которых обосновывалось презюмирование предвидения причинителем вреда наступления вреда в другой стране и возложение бремени доказывания обратного на причинителя вреда, исходя из интересов «слабой» стороны, т.е. потерпевшего. Ответчик, как указал суд, размещая публикацию об истце в сети Интернет, предвидел или должен был предвидеть наступление вреда деловой репутации истца именно на территории Российской Федерации.

¹⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2021 № 09АП-65750/21 по делу № А40-42722/2021.

¹⁹ *Calder v. Jones*, 465 U.S. 783, 789 (1984) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/465/783/> (дата обращения: 14.09.2020).

Исходя из обстоятельств дела, по мнению суда, ответчик был осведомлен о том, что истец является российским юридическим лицом и осуществляет основную предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации²⁰. Как представляется, указанная логика о презюмировании осведомленности ответчика относительно места причинения вреда также легла в основу решения судом юрисдикционного вопроса. Таким образом, юрисдикция на основании п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ дополнительно обосновывалась судом критерием, положенным в основу применения права в ст. 1219 ГК РФ, касающимся места причинения вреда или места наступления вреда при предвидении причинителя наступления вреда.

В приведенных примерах при анализе тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации в рамках арбитражного судопроизводства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, возникающих в связи с размещением информации в киберпространстве, можно увидеть, что суд в большей степени руководствовался объективными факторами в виде доступности размещенной в сети информации для пользователей, вредоносном характере последствий данного размещения на территории государства истца. Субъективные факторы в виде предвидения разбирательства в Российской Федерации в определенной степени вытекали из объективных факторов (язык и характер публикаций) и представляли собой презумпцию, необходимость опровержения которой возлагалась на ответчика.

Принимая во внимание использование судами критерия места причинения вреда и места наступления вредоносных последствий, традиционно используемого в качестве коллизионной привязки, необходимо уточнение его толкования при применении в качестве юрисдикционного критерия по диффамационным делам.

В доктрине в целях определения места причинения вреда в результате распространения порочащей информации в киберпространстве было предложено считать им ту страну, на территории которой располагается наибольшее количество лиц, просмотревших спорную информацию, т.е. сформировалась ее наибольшая аудитория²¹.

Как представляется, количественный подход распространения и восприятия спорных сведений имеет определенные погрешности. Так, суд в вышеупомянутом деле «Нефтяная компания «Роснефть»» против «Блумберг Эл Пи» справедливо не принял во внимание аргумент ответчика о низком количественном показателе прямых пользователей интернет-сайтом Bloomberg в России.

Посещаемость соответствующих сайтов, безусловно, должна приниматься во внимание, но она не может быть определяющим фактором, учитывая, что судом должны быть оценены не только количественный показатель потребителей соответствующей информации, но и последствия восприятия данной информации для истца, которые могут быть максимально тяжелыми в стране с относительно низким количественным аудиторным охватом.

Судья должен установить, действительно ли диффамация совершена в пределах государства суда, вызывает ли соответствующая информация общественный резонанс, повлияли ли материалы в сети Интернет на репутацию в соответствующем государстве. Необходимо также оценить, имели ли место так называемые репост,

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2021 № 09АП-65750/21 по делу № А40-42722/2021.

²¹ Шишков Р. Указ. соч.

реблоггинг (механизм ведения блога, который позволяет размещать контент поста другого пользователя) и подобные последствия, имеющие негативный эффект для истца. Основной вопрос, который должен быть поставлен судом: в каком государстве имели место максимальные репутационные потери истца.

Такой подход в целом отвечает и практике Суда Европейского союза, в рамках которой юрисдикционное основание по делам о диффамации, закрепленное в ст. 7 (2) Регламента 2012 г. (Брюссель I), а именно место, где произошло (либо могло произойти событие), ставшее причиной возникновения вреда, получило толкование в виде «центра интересов потерпевшей стороны», т.е. это место, где, причинен наиболее существенный ущерб в результате опубликования материалов в сети Интернет²².

Субъективные факторы в виде целенаправленного ориентирования ответчика на государство суда, а также предвидение ответчиком юрисдикции суда истца должны носить субсидиарный характер по отношению к объективным факторам, поскольку существует определенный риск создания безопасной гавани для ответчика при доказывании последним отсутствия предвидения наступления вреда в соответствующем государстве.

В доктрине постановка вопроса о юрисдикции американского суда в зависимости от направления деятельности ответчика, распространяющего информацию диффамационного характера в сети Интернет, на штат места жительства истца, была подвергнута обоснованной критике. Так, американский исследователь С. Лудингтон отметил, что для истца создается некомфортная ситуация, когда он должен доказывать, что ответчик создал веб-сайт намеренно и в отношении именно тех пользователей, которые находятся в государстве суда²³. При этом речь идет не об игнорировании субъективных факторов, а именно об их вторичном применении.

Не оспаривая значимость соблюдения принципа предсказуемости проведения судебного разбирательства, следует все же отметить, что информационные атаки в киберпространстве осуществляются на достаточно профессиональном уровне и размещение информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию, как правило, носит намеренный, умышленный характер. Целенаправленное ориентирование включает в себя необходимость доказывания, что ответчик осознает, что вред от размещенной информации наступит именно в государстве истца.

Соответственно, возможность ответчика доказывать свою неосведомленность о государственной принадлежности истца тому или иному государству и, как следствие, отсутствие возможности предвидения, что вред от размещенной информации наступит именно в государстве истца, ставит его в преимущественное положение по отношению к истцу и фактически нивелирует возможность установления юрисдикции исходя из учета субъективных факторов.

Предусмотренные в ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1) и ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3) основания подсудности стали объектом критики в доктрине также и по иным основаниям. Так, Ю. В. Таем было предложено по спорам о диффамации в сети Интернет

²² Bolagsupplysningen OÜ, Ingrid Iisjan (C-194/16).

²³ Ludington S. H. Aiming at the Wrong Target: The «Audience Targeting» Test for Personal Jurisdiction in Internet Defamation Cases // Ohio State Law Journal. 2012. Vol. 73. P. 542—543, 553.

применять общие правила юрисдикции по месту нахождения ответчика, поскольку те правила, которые сформулированы в указанных статьях, не соответствуют критериям отправления правосудия, изложенным в позиции Конституционного Суда РФ о том, что защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется²⁴. Поэтому, продолжает автор, положения ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1), ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3) не соответствуют принципам эффективного судопроизводства и приводят к генерированию российской правовой системой заведомо неисполнимых судебных решений²⁵.

Такая точка зрения представляется не вполне обоснованной, поскольку при приведении в исполнение любого иностранного судебного решения (не только по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации) может возникнуть ситуация, что решение не будет признано в силу отсутствия международного договора, взаимности или иных правовых основ для признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Между тем такая ситуация не должна служить обоснованием необходимости рассмотрения всех споров без исключения в государстве ответчика.

В целях обоснования позиции Ю. В. Тай приводит вышеупомянутое решение Арбитражного суда Краснодарского края, который удовлетворил требования истца — О. В. Дерипаски в отношении иностранных компаний и признал информацию, размещенную на интернет-ресурсах данных компаний, порочащей деловую репутацию²⁶. Данное решение в добровольном порядке ответчиком не исполнено, оспоренные публикации не удалены, но вряд ли возможно согласиться с причинно-следственной связью, а именно с тем, что конструкция оснований установления судебной юрисдикции, предусмотренная в ст. 247 АПК РФ (п. 6 ч. 1), ст. 402 ГПК РФ (п. 9 ч. 3), приводит к генерированию российской правовой системой заведомо неисполнимых судебных решений.

В праве большинства государств обоснованность юрисдикции иностранного суда является одним из основных критериев возможности исполнения его решения, в связи с чем судом должны оцениваться и учитываться притязания иностранных правоприменительных органов в случае проявления тесной связи спорного правоотношения с территорией иностранного государства. Такой подход, безусловно, снижает проблему юрисдикционного конфликта и риск отказа в приведении в исполнение российского суда за рубежом. Но следует отметить, что речь идет именно о снижении указанного риска, а не о полном его исчезновении.

Даже самое скрупулезное внимание российского суда к возможным притязаниям на рассмотрение дела иностранных судов при решении юрисдикционного вопроса не исключает, что указанный анализ содержания тесной связи будет по-иному оценен иностранным судьей, и неизвестно, какие из факторов, наполняющие содержание тесной связи, будут учтены в качестве критических при установлении юрисдикции.

Кроме того, в отношении диффамационных споров в связи с использованием сети Интернет нельзя сказать, что ответчик в случае невозможности исполнения решения за рубежом полностью лишается средств защиты. Как правило, если ответчик

²⁴ Тай Ю. В. Указ. соч.

²⁵ Тай Ю. В. Указ. соч.

²⁶ Тай Ю. В. Указ. соч.

по спорам, связанным с диффамацией, находится в иностранном государстве и отсутствует договор о признании и исполнении решения, истец вряд ли может рассчитывать на приведение в исполнение решения за рубежом в части выплаты компенсации ущерба, удаления этой информации или опубликования опровержения. Но одним из средств защиты истца является блокировка доступа к данной информации.

Таким образом, при формулировании национальных критериев судебной юрисдикции, безусловно, следует ориентироваться на перспективы исполнимости решений, но факт неисполнимости соответствующих решений не следует списывать исключительно на неудачность формулировки юрисдикционного основания. Процесс исполнения иностранного судебного решения является более сложным, зависит от многих факторов, в числе которых может быть и обоснованность юрисдикции иностранного суда. Во избежание так называемого эффекта клеветнического туризма при наступлении вреда на территории нескольких стран суд должен исходить из критерия центра интересов потерпевшей стороны, а именно установить место причинения наиболее существенного ущерба в результате опубликования материалов в сети Интернет.

При оценке вредоносного характера последствий размещения информации в киберпространстве следует избегать количественных показателей в виде аудиторного охвата, числа пользователей и т.п. и руководствоваться прежде всего вопросами репутационных потерь истца: в каком государстве истцу нанесен наиболее значимый репутационный ущерб и вызывает ли соответствующая информация общественный резонанс в государстве суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гафаров С. Э.* Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2012. — 230 с.
2. *Осипов А. О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2014. — 174 с.
3. *Тай Ю. В.* Проблема компетенции диффамационных исков против иностранных СМИ // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2021. — С. 352—373.
4. *Шишков Р.* Определение применимого права по диффамационным искам с участием иностранных лиц // Адвокатская газета. — 2021. — № 16.
5. *Bell A.* Libel tourism: International Forum Shopping for Defamation Claims. — Jerusalem Center for Public Affairs, 2008. — 32 p.
6. *Ludington S. H.* Aiming at the Wrong Target: The «Audience Targeting» Test for Personal Jurisdiction in Internet Defamation Cases // Ohio State Law Journal. — 2012. — Vol. 73. — P. 540—574.
7. *Svantesson D. J.* Solving the Internet Jurisdiction Puzzle. — Oxford University Press, 2017. — 282 p.

